

самая история пушкинской эпиграммы на Ариста выглядит несколько иначе, чем представляется нам сейчас.

Впервые: Русская речь. 1992. № 3.

- ¹ Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 85—87.
- ² Пушкин. Т. 12. С. 279.
- ³ Арапов П. Летопись русского театра. СПб., 1861. С. 220.
- ⁴ Ельницкая Т. М. Репертуарная сводка//История русского драматического театра. М., 1977. Т. 2. С. 453.
- ⁵ Пушкин. Т. 1. С. 508.
- ⁶ Капнист В. В. Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 455.
- ⁷ Там же. Т. 2. С. 486—487.
- ⁸ Там же. Т. 1. С. 182.
- ⁹ Там же. С. 447.
- ¹⁰ Там же. С. 209.
- ¹¹ Пушкин. Т. 1. С. 203, 297.
- ¹² Грот К. Пушкинский лицей: (1811—1817). СПб., 1911. С. 154.
- ¹³ Рукою Пушкина. М.; Л., 1935. С. 466—476.
- ¹⁴ Русская эпиграмма: XVIII — нач. XX в. Л., 1988. С. 346.

Тень зари

Это странное и красивое сочетание, которое Владимир Ходасевич назвал даже «непостижимым»¹, встречается у Пушкина только в применении к Наполеону:

То был сей чудный муж, посланник провиденья,
Свершитель роковой безвестного веленья,
Сей всадник, перед кем склонились цари,
Мятежной вольности наследник и убийца,
Сей хладный кровопийца,
Сей царь, исчезнувший как сон, как тень зари.

Недвижный страж дремал
на царственном пороге... 1824

Рядом с этим наброском стоит другой, того же 1824 года. В нем нет «тени зари», но образ как бы подсказан глагольной семантикой:

Зачем ты послан был и кто тебя послал?
Чего, добра иль зла ты верный был свершитель?
Зачем потух, зачем блистал,
Земли чудесный посетитель?

В обоих отрывках единый ход мысли: «всадник», исчезнувший, «как тень зари», отмечен печатью избранничества. На нем лежит отсвет не то божественного, не то

инфернального происхождения. Он явился — неизвестно откуда и непонятно, по чьему велению.

Образ повторяется в «Герое» (1830):

...пришлец сей бранный,
Пред кем смирились цари,
Сей ратник, вольностью венчанный,
Исчезнувший, как тень зари.

И еще раз — в отрывках X главы «Онегина»:

Сей муж судьбы, сей всадник бранный,
Пред кем унизились цари,
Сей всадник, Папою венчанный,
Исчезнувший, как тень зари...

Глубинная ассоциация, быть может, неосознанная, связывает воедино поэтические темы. В русской поэзии периода Отечественной войны была обычной апокалиптическая трактовка фигуры Наполеона. Державин в «Гимне лиро-эпическом на прогнание французов из отечества» изображал императора как «зверя из бездны», «в плоти седьмглавого Люцифера», отмеченного «звериным числом 666». Еще в Лицее Пушкин пародировал эти места державинского гимна:

«Открылась тайн священных дверь!..
Из бездн исходит Луцифер...»

Тень Фовизина, 1815

Но именно сравнение Наполеона с Люцифером кое-что проясняет в загадочном пушкинском образе.

Люцифер — «Светоносец» — дьявол, падший ангел, воплощение сил зла — и одновременно название утренней звезды. Это смешение возникло в теологической традиции по недоразумению. В книге пророка Исайи (XIV, 12) есть слова, обращенные к фараону: «Како спаде с небесе денница восходящая заутра», — в современном переводе: «как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю, попиравший народы». Эти слова были ошибочно истолкованы как адресованные Сатане, «упадающему с неба» в преисподнюю. Так в средневековой демонологии появился дьявол в облике прекрасного юноши, обозначаемый именем «Денница», «сын зари», «утренняя звезда».

В «Кайне», мистерии Байрона, Люцифер говорит Аде, что звезда, приветствующая утро, влечет взоры смертных в голубом предрассветном сумраке, что она заслу-

живает поклонения, ибо является вождем небесной рати. В 1814 году Байрон использовал этот образ в «Оде Наполеону Бонапарту»:

Со времени того, кто был неверно назван
«Утренней звездой» («The Morning Star»),
Ни человек, ни злой дух не падал столь далеко.

Отождествление Люцифера с утренней звездой стало фактом поэтического и даже обиходного языка. Через полтора десятилетия Дельвиг шутя напишет издателю альманаха «Денница» М. А. Максимовичу, что он приветствует выход книжки и желает обнять «самого Люцифера»².

В 1813 году³ Державин прямо применил этот образ к Наполеону:

Надменный запада Денница...

На победу при Лейпциге

Устанавливалась, таким образом, ассоциативная связь между мистико-историсофской концепцией Наполеона и художественным образом, прикрепившимся к его имени. Концепцию Пушкин отверг, — но образ прекрасного и могучего ангела-соблазителя, отмеченного inferнальным началом и получившего уже художественное воплощение как носитель безграничного властолюбия и индивидуализма, — так он предстал в «Каине» Байрона, — этот образ бросил свои рефлексии на стилистическую формулу. «Тень зари» в пушкинских стихах о Наполеоне не имеет историсофского значения, — но сохраняет память о своем происхождении.

Впервые в сокращ.: Русская речь. 1987. № 6.

¹ Ходасевич В. Поэтическое хозяйство Пушкина. Л., 1924. С. 25.

² Дельвиг А. А. Сочинения. Л., 1986. С. 341.

³ Сын отечества. 1813. № 46.

Пророчество Андрея Шенье

В знаменитой элегии Пушкина «Андрей Шенье» предсмертный монолог поэта в темнице оканчивается пророчеством, обращенным к Робеспьеру:

Падешь, тиран! Негодование
Воспрянет наконец. Отечества рыданье
Разбудит утомленный рок.
Теперь иду.. пора... но ты иди за мною;
Я жду тебя.

Это то самое место элегии, которое сразу же пришло Пушкину на память, когда умер Александр I, — в ноябре 1825 года, через несколько месяцев после создания стихотворения, — и поэт написал П. А. Плетневу (4—6 декабря 1825 г.): «Душа! я пророк, ей Богу, пророк! Я Андрея Ш.<енье> велю напечатать церковными буквами во имя от.<ца> и сы<на> etc.»¹. Но в самой элегии это было пророчество задним числом. Казнь Шенье совершилась 25 июля 1794 года, за два дня до падения якобинцев; Пушкин ввел этот мотив в элегию («Постой, постой; день только, день один: И казней нет, и всем свобода...») и сделал специальное примечание: «Он был казнен 8 термидора, т. е. накануне низвержения Робеспьера». Пушкин привел в примечаниях и подлинные последние слова Шенье: «На месте казни он ударил себя в голову и сказал: «Pourtant j'avais quelque chose là»². («все-таки у меня кое-что там было»). Это предание, приведенное в биографическом очерке А. де Латуша, предпосланном изданию Шенье 1819 года, было широко известно: его пересказывал и П. А. Вяземский во фрагменте стихотворения «Библиотека», посвященном Шенье. Любопытно, что через десять лет М. Ю. Лермонтов в поэме «Сашка» будет сожалеть именно о том, что перед смертью Шенье даже словом не отомстил своим гонителям:

...творческую грудь

Не стих язвительный, ни смех холодный
Не посетил — и ты погиб бесплодно...³

«Пророчество Шенье» не опиралось, таким образом, на реальные факты биографии французского поэта и принадлежит полностью творческому воображению Пушкина. Однако оно имеет свою литературную генеалогию, может быть, даже не осознанную Пушкиным.

В романтической литературе тема французской революции 1789 года постепенно связывалась с появлением образов визионеров, прорицателей, иногда таинственных, несущих на себе печать принадлежности к некоему иному миру. Характерно, в частности, оживление легенды Лагарпа о «пророчестве Казота», якобы за